На облавѣ.

Опытъ охотничьей поэмы.

— im Kampf mit andern Bestien
Werd'ich immer treulich kämpfen
Für die Menschheit, für die heil'gen
Angebornen Menschenrechte.

Heine. Atta Troll.

I.

— «Завтра въ Каменку поѣдемъ,
Говорилъ мнѣ Самоцвѣтовъ:
Тамъ недавно управитель,
Старый шляхтичъ, панъ Булгоферъ
Двѣ козы убилъ дублетомъ.
Завтра въ Каменку поѣдемъ,
Ты вѣдь это мѣсто знаешь:
Тамъ нашъ Днѣпръ родной, широкій
Катитъ царственныя волны
И надъ царственной рѣкою
Тамъ, крутой вѣнчая берегъ,
Наклонился лѣсъ дремучій
И въ его тѣнистыхъ чащахъ
Есть обширныя болота:
И Конское, и Сѣнское,
Кормы вмѣстѣ съ Переростомъ,
Есть и Бѣлое и Злое;
Въ ихъ трущобахъ непроглядныхъ
Козы робкія таятся
И недавно изъ подъ гончихъ
Пару ихъ свалилъ дуплетомъ
Старый шляхтичъ, панъ Булгоферъ.
Говорятъ, Булгоферъ также
Отыскалъ стоянку лося,
Но не бьетъ его покуда,
Поджидая насъ съ тобою.
А не то—поѣдемъ въ Невклю:
Пріѣзжалъ ко мнѣ оттуда,
Ужъ тому прошло съ недѣлю,
Павелъ Федоровъ Безпалый;
Привозилъ онъ на продажу
Разный лѣсъ изъ дачъ казенныхъ
И зашелъ ко мнѣ Безпалый
Посидѣть, и по знакомству
Восемь рюмокъ водки выпилъ,
А девятую съ десятой
Выпивая на прощанье,
Онъ по дружбѣ мнѣ на память
Подарилъ кабанью шкуру.
Кабана того недавно
Сослѣдилъ онъ возлѣ Невкли,
Возлѣ Невкли на Замглаѣ
Въ страшной чащѣ тростниковой;
Подошелъ шаговъ въ пятнадцать
И пустилъ въ него онъ пулю
Наудачу, безъ прицѣла,

Перешибъ крестецъ онъ вепрю
И кабанъ, такую рану
Въ это мѣсто получивши,
Ужъ не могъ ни шагу сдѣлать,
Только, щелкая клыками,
Онъ вокругъ себя вращался
На своей филейной части,
Точно былъ на винтъ насаженъ.
Вкругъ него ходилъ Безпалый,
Какъ покончить съ нимъ не зная,
Ибо болѣе зарядовъ
У него не оказалось.
Его выручилъ случайно
Локотокъ—его ты знаешь—
Сокращенный мужиченко
Ростомъ еле въ два аршина.
Локотка кабанъ однажды,
Поваливъ, клыкомъ ударилъ
И, разсѣкши полушубокъ,
Зацѣпилъ клыкомъ за поясъ
И, испуганный нежданнымъ
На клыкѣ висящимъ грузомъ,
Сталъ таскать его по лѣсу,
Ударяя о деревья.
И отъ этихъ упражненій
Локотокъ едва не умеръ
И, когда въ лѣсу былъ найденъ,
Былъ безъ памяти и чувства;
Долго онъ больной валялся,
А, оправившись, замѣтилъ
На себѣ онъ приращенье:
Выросъ очень симметрично
Горбъ и спереди, и сзади...
Такъ вотъ видишь-ли, Безпалый
Говоритъ, что на Замглаѣ
Свиньи есть и очень много
И, что, если-бы примѣрно
Тамъ на нихъ облаву сдѣлать
Это было бы недурно.
Выбирай, чего ты хочешь:
Хочешь въ Каменку, иль въ Невклю,
Мнѣ-же это безразлично».
И безъ выбора сказалъ я:
— Если такъ,— поѣдемъ въ Невклю!

II.

Все привлекательно въ охотѣ;
Я на охотѣ все снесу:
Увязну-ль крѣпко на болотѣ
По шею въ тину, иль въ лѣсу,
Порой вечернею блуждая,
И крикомъ надрывая грудь,
Напрасно силы напрягаешь,
Чтобы придти куда нибудь.
Хорошихъ много словъ наскажешь,
Чтобъ только душу облегчить,
Пока подъ первый кустъ не сляжешь
Отъ всѣхъ трудовъ своихъ почить.
А то зимою вдругъ нежданно
На тонкомъ, неокрѣпшемъ льду,
Идя по свѣжему слѣду,
Провалишься и несказанно
Заботишься изо всѣхъ силъ,
Чтобъ водяной не проглотилъ,
Пока, иззябшій, посинѣлый,
Какъ мокрый чортъ оледенѣлый,
На берегъ вылѣзешь ползкомъ
И ищешь, гдѣ-бы помѣститься,
Чтобъ, сѣвъ на берегѣ крутомъ,
Съ удобностію разоблачиться,
Одежды выжать и потомъ
За звѣремъ снова устремиться.
Люблю я въ лѣтнюю жару,
Едва передвигая ноги,
Бродить, охотясь «по перу»
Въ лугахъ широкихъ, безъ дороги;
Томитъ тебя полдневный зной,
Даль безконечная синѣетъ
И влажный воздухъ надъ землей
Струится и дрожитъ, и млѣетъ;
Сводъ неба ясенъ и глубокъ;
Все точно замерло, не дышетъ
И ни малѣйшій вѣтерокъ
Травы заснувшей не колышетъ.
Спѣшишь со всѣхъ усталыхъ ногъ
Скорѣй подъ дерево забраться,
Свалиться въ тѣнь и любоваться,
Безпечно лежа на травѣ,

Какъ облака плывутъ и таютъ
И въ жаркой неба синевѣ
Безслѣдно тихо исчезаютъ.
Въ мѣстахъ привольныхъ для стрѣлка,
Люблю далекіе набѣги,
Неприхотливые ночлеги
Въ жилищѣ ветхомъ лѣсника,
Въ избѣ съ копченными стѣнами,
Со сквозникомъ изъ всѣхъ угловъ,
Съ неисчислимыми блохами
И міріадами клоповъ.
Люблю привалъ въ опушкѣ лѣса,
Костра дрожащій огонекъ;
Спустилась вечера завѣса
На шумный дружескій кружокъ.
Веселой жизнію бивачной
Пожить изъ нихъ никто не прочь:
Довольны травлею удачной,
Проговорятъ они всю ночь;
Пойдутъ тянуться разговоры,
Какъ безконечное тканье,
И разсужденія, и споры,
И безшабашное вранье.
Чему сочувствуешь ты живо
И съ чѣмъ сроднился ты душой,
Соединилось здѣсь красиво
Въ картинѣ пестрой и живой:
Погода, осень, тишь лѣсная,
Охоты лучшая пора,
Толпа товарищей лихая
Вокругъ горящаго костра,
Собачій визгъ, смычковъ бряцанье,
Кипящій чайникъ на огнѣ
И звѣздъ привѣтное мерцанье
Въ прозрачно-темной вышинѣ...
Живи и тѣшь себя, покуда
Судьба рѣшитъ тебя унять
И ревматизмъ или простуда
Велятъ невольно отдыхать,
Какъ это и со мной бывало.
По чистой совѣсти скажу,
Что въ ревматизмѣ я нимало
Пріятности не нахожу.

III.

—«Что же?! Въ Невклю, такъ и въ Невклю».
Согласился мой пріятель
Петръ Петровичъ Самоцвѣтовъ
И къ сподвижникамъ охоты
Разослалъ сейчасъ посланья
Объ облавѣ предстоящей.
И немедля повелѣлъ онъ,
Чтобъ скорѣе запрягали
Для поѣздки тройку бурыхъ.
Запрягли ихъ въ длинный ящикъ,
Сбоку видъ имѣвшій гроба;
Спереди было сидѣнье
Для господъ и для возницы,
Сзади-жъ ящикъ былъ особый—
Помѣщеніе для гончихъ.
Въ этотъ ящикъ посадили,
На смычки ихъ взявъ попарно,
Старика Орла съ Сорокой,
Говорилу съ Говорихой
И Оршада съ Мармеладомъ.
Два послѣднія названья
Петръ Петровичъ Самоцвѣтовъ
Далъ двумъ псамъ своимъ любимымъ,
Ибо былъ онъ по природѣ
И по рангу коммерсантомъ;
Магазинъ имѣлъ обширный,
Продавалъ въ немъ: деготь, гвозди,
Драгоцѣнные металлы,
Ружья, порохъ, дробь, пистоны,
Мыло, ваксу и конфекты,
И духи съ одеколономъ,
Вообще былъ Самоцвѣтовъ
Коммерсантъ универсальный.
Онъ теперь перемѣнился,
Поотъѣлся, заплылъ жиромъ,
Отростилъ большое брюхо
И въ каретѣ лѣтомъ ѣздитъ,
Загорѣть боясь отъ солнца;
А въ ту пору Самоцвѣтовъ
Былъ недюжинный охотникъ,
Былъ выносливъ, словно лошадь,

И стрѣлокъ первостатейный;
Кромѣ-же всѣхъ этихъ качествъ
Былъ еще изобрѣтатель:
Онъ оружіе измыслилъ
Своей собственной системы
И назвалъ его ружьемъ онъ
Съ боевою табакеркой.
По его рисунку мастеръ
То ружье искусно сдѣлалъ,
Но никто изъ этой штуки
Сдѣлать выстрѣлъ не рѣшился
Страха ради. Въ результатѣ
Шишъ единый получился.
Повторяю: Петръ Петровичъ
Былъ недюжинный охотникъ;
Но коммерческую душу
Блага міра соблазнили—
И, покончивши съ охотой,
Онъ ударился въ подряды.

VI.

Кони ржутъ нетерпѣливо,
Самъ Ефимъ сидитъ на козлахъ
И могучею рукою
Держитъ онъ бразды правленья.
Въ цѣломъ городѣ извѣстенъ
Былъ Ефимъ своею силой,
Да еще прославленъ тѣмъ онъ,
Что, лѣчась отъ лихорадки,
Намѣшалъ въ одномъ стаканѣ
Водки, нива, кукольвану,
Дурману, золы табачной,
Лошадинаго навозу
И смѣсь эту выпилъ на ночь,
Почему, вообразивши
На зарѣ себя кукушкой,
Взлѣзъ на крышу и на крышѣ
Сталъ онъ кукать всенародно....
Черезъ полчаса, не больше,
Мы ужъ въ ящикѣ сидѣли
И размашистою рысью
Кони добрые бѣжали,
Поощряемы Ефимомъ,
И пейзажи за пейзажемъ
Мимо насъ смѣнялись быстро:
Вотъ за нами грязный городъ,
И мы ѣдемъ степью гладкой,
Кое-гдѣ лишь у дороги
Возвышаются курганы,
Кое-гдѣ лишь пріютился
Одинокій, бѣдный хуторъ,
Хуторъ, словно потонувшій
Въ темной зелени деревьевъ.
Вотъ пріѣхали на взгорье,
Гдѣ дорога, извиваясь,
Внизъ идетъ отлогимъ склономъ,
И предъ нами въ отдаленьи
Засинѣлъ Замглай туманный;
Небольшая деревушка,
Покривившіяся избы
И колодезь у дороги
Съ журавлемъ стоитъ скрипучимъ
Подъ корявою ветлою—
Невеселая дорога,
Далеко и скучно ѣхать
И я въ дрему погружаюсь,
И дремота навѣваетъ
Мнѣ заманчивыя грезы.
Эти грезы (кто не грезилъ,
Собираясь на охоту?)
Будь онѣ осуществимы,
Часто дали-бъ въ результатѣ
Удивительныя вещи.
И мнѣ видѣлась съ просонокъ
Нешироkая поляна,
И трава, и жесткій вересъ
Поросли на ней обильно
И стѣною лѣсъ дремучій
Ту поляну окружаетъ.
Жаркій гонъ идетъ по чащѣ,
Заливаясь, словно плачутъ
Псы породистые наши,
По горячему гоняя.
И выходитъ на поляну
Одинецъ-кабанъ клыкастый,
Я къ плечу мою двустволку
Хладнокровно поднимаю

(Дѣлалъ ту двуствolку Беккеръ,
Фабрикантъ сихъ дѣлъ въ Варшавѣ,
Что прославился недавно
Улучшеньемъ гильзъ центральныхъ.
Хороши тѣ были гильзы
До тѣхъ поръ, пока самъ Беккеръ
Дѣлалъ мѣдныя лишь гнѣзда,
А картонъ, вполнѣ готовый,
Получалъ изъ за границы
Отъ поганыхъ англо-саксовъ,
Отъ извѣстнаго Элея;
А когда самъ Беккеръ началъ
И картонъ къ тѣмъ гильзамъ дѣлать,
Гильзы сдѣлались дрянь дрянью
И ихъ рветъ неудержимо
Прямо съ перваго заряда).
Раздается громкій выстрѣлъ
По лѣсу и мѣткой пулей
Я чудовище лѣсное
Поражаю въ глазъ иль ухо.
Сколько будетъ толковъ, шуму,
Лицемѣрныхъ поздравленій
И какой богатый будетъ
Матерьялъ для разговоровъ,
Для бесѣдъ въ собраньяхъ зимнихъ...

V.

Мнѣ милы зимнею порой
Друзей охотниковъ собранья:
Различныя воспоминанья
Текутъ тутъ шумною рѣкой:
Про полеванія былыя,
Про травли волка удалыя,
Про хватку мертвую борзыхъ,
Про сметку старыхъ доѣзжачихъ,
Про хитрость русаковъ лежачихъ,
Про вязкость гончихъ костромскихъ.
Въ другомъ углу и рѣчь другая:
Тамъ споръ ведутъ, вопросъ рѣшая
Ружье какое лучше бьетъ,
Стальной-ли Циперъ, или Скоттъ;
Пойдутъ сравненія съ Веблеемъ,
Пюрде и Ричардсомъ Вестлеемъ,
Съ Новотнымъ, Бентли и чредой
Все заключится Лебедой;
Все разберутъ во время спора,
Всѣ преимущества чокъ-бора,
(Хоть цилиндрическимъ стволамъ
Я пальму первенства отдамъ,—
Даниловъ такъ сказалъ; я въ этомъ
Склоняюсь предъ авторитетомъ,
Даниловъ же авторитетъ,
Какихъ на свѣтѣ больше нѣтъ,
И передъ симъ свѣтиломъ новымъ
Имъ сокрушенные во прахъ,
Самъ Селастенниковъ съ Смирновымъ
Склонились съ пепломъ на главахъ
И даже самъ—чего ужъ болѣ—
Съ такимъ-же пепломъ на главѣ
Предъ нимъ склонился Дмитрій В.,
(Товарищъ старый мой по школѣ).

VI.

Хоть врутъ ружейники нещадно,
Но ихъ невинное вранье
Однообразно и нескладно:
Вѣдь не живой предметъ ружье,
Не организмъ интеллигентный,
А та-жъ машина, да притомъ
И знаемъ мало мы о немъ—
И слабъ нашъ судъ некомпетентный,
Хоть наизусть иной педантъ
Эйхтмейра знаетъ прейсъ-курантъ.
Увы, ружейные Немвроды,
Хоть тысячу пересмотри
Статей «Охоты и Природы»,
А отъ ружья, какъ ни хитри,
Ты все не поведешь породы.
Между ружейниковъ мудрей,
Тотъ, у кого своя слесарня,
Слесарня—же не то, что псарня,—
И врутъ искуснѣе, ей, ей,
Борзыхъ владѣльцы, кобелей,
Владѣльцы Вихрей и Угаровъ,
Ахидовъ, Хановъ и Подаровъ.

Хотя ихъ споры разбирать
Порой бываетъ очень скучно,
Но невозможно не признать,
Что врутъ они вполнѣ научно.
Научной строгости рабы
(Наука точна, неизмѣнна)
Не назовутъ хвостомъ «трубы».
Или-же волчьяго «полѣна».
Коль хочешь избѣжать бѣды,
Благоговѣйно, безъ улыбки
Внимай про стати и лады;
Въ терминологіи ошибки
Родному не простятъ отцу
И не дадутъ, познаньемъ горды,
Названія собачьей морды
Борзого кобеля щенку.
Ихъ споръ горячъ, ихъ духъ трепещетъ
И взоръ пылаетъ и грозитъ—
Тотъ супротивныхъ Коршемъ хлещетъ,
А тотъ Ермоловымъ разитъ.
Они ругаются завидно,
Въ концѣ-жъ все сводится къ тому,
Что барства нѣтъ, а потому
И псовъ лихихъ совсѣмъ не видно.
Подъ градомъ жалобъ на судьбу
Владѣльцевъ Стрѣлокъ и Наяновъ,
Покойный Мачекаріановъ
Перевернулся-бы въ гробу.

VII.

Точно хмурится, темнѣя,
Безконечный лѣсъ Невклянскій.
Въ томъ лѣсу есть придорожный
Одинокій, бѣдный хуторъ,
Этотъ хуторъ почему-то
Краснымъ Шинкомъ называютъ.
Онъ и мраченъ, онъ и грязенъ.
Такъ внутри, такъ и снаружи,
Но люблю я въ Красномъ шинкѣ
Отдыхать послѣ охоты
Темной ночью непогодной.
Вплоть ростутъ у самыхъ оконъ
Вѣковѣчныя деревья,
Мощный строй гигантскихъ сосенъ
Тѣсно хуторъ окружаетъ
И, когда осенній вѣтеръ
Разговоръ ведетъ свой съ лѣсомъ
И шумятъ, качаясь, сосны,
Этотъ шумъ своеобразный
Миръ на душу навѣваетъ,
Убаюкиваетъ точно,
И подъ этотъ гулъ неясный,
Подъ немолчный смутный говоръ,
Беззаботно, сладко спится.
Въ этомъ-то лѣсномъ затишьѣ
Собралося насъ немало:
Былъ тамъ я и другъ мой «Рыжій»,
Былъ «Совѣтникъ», что иначе
Назывался «Бригадиромъ»
И патронъ нашъ Самоцвѣтовъ,
Также былъ французъ двуносый
Jean Вангри и tutti quanti.
Поздно ночью, четвернею,
Въ прародительской каретѣ
Прикатилъ еще товарищъ,
Князь Коко Колпицынъ младшій.
Онъ читалъ въ французскихъ книгахъ
Про россійскую охоту
И глубоко былъ увѣренъ,
Что изъ русскаго народа
Ежегодно семь десятыхъ
Мужиковъ съѣдаютъ волки;
Онъ узналъ изъ тѣхъ-же книжекъ,
Что кабанъ есть звѣрь опасный,
Смертоноснѣй даже тигра,
И сильнѣе бегемота,
Посему Коко Колпицынъ,
По заказу у Девима,
Пріобрѣлъ особый штуцеръ
Невозможнаго калибра.
Заряжался этотъ штуцеръ
Разрывной огромной пулей
И его-то князь Колпицынъ
Захватилъ съ собою въ Невклю.

И едва оружье это
У Коко мы увидали,
Воздержаться не могли мы
Отъ предчувствій очень мрачныхъ
И невольную неловкость
Ощущалъ въ то время каждый,
Представляя очень живо,
Какъ изъ собственнаго мяса
Безъ сомнѣнія придется
Выковыривать осколки
Отъ ужаснаго снаряда.
Съ кабаномъ не такъ опасно:
Тутъ отвага и умѣнье
Охранятъ тебя и могутъ
Даровать тебѣ побѣду;
Если-жъ только въ увлеченьи
Князь Колпицынъ изъ Девима
Пуститъ пулю разрывную,
То отъ злой напрасной смерти
Никакихъ и нѣтъ гарантій,
Никогда и быть не можетъ.
Принявъ все въ соображенье,
Мы просили со слезами,
Чтобъ на хуторѣ оставилъ
Князь Коко свой страшный штуцеръ.
Вмѣсто-жъ штуцера защиту
Обѣщалъ ему Безпалый.
Всѣ мы вѣрили, что Павелъ
Въ этомъ случаѣ пожалуй
Разрывной надежнѣй пули;
Тѣмъ не менѣе Колпицынъ
Отъ предложенной защиты
Отказался горделиво,
Но, подумавши, рѣшилъ онъ,
Чтобы, въ качествѣ рессурса
Шелъ лакей его Григорій
Вслѣдъ за нимъ, вооруженный
Непомѣрно длинной шпагой.

VIII.

Послѣ долгихъ обсужденій
Состоялось напослѣдокъ
Наше мудрое рѣшенье:
Мы полезное съ пріятнымъ
Такъ сказать соединили,
То-есть мы распорядились
И охотиться облавой,
И имѣть въ загонѣ гончихъ.
И должны были кричане
Замолчать, остановиться
И не двигаться, какъ только
Звѣря гончія поднимутъ.
Это мудрое рѣшенье
Изобрѣлъ самъ Самоцвѣтовъ.
Правда, мысль порой мелькала,
Что собаки тронутъ зайца,
А тѣмъ временемъ спокойно
И коза, и волкъ, и свиньи
Перейдутъ въ другую кнею
И получимъ мы за храбрость
Шишъ великій въ результатѣ.
Мысль, какъ мысль, но рядомъ съ нею
И другая выдвигалась:
Если такъ, зачѣмъ-же гончихъ
Мы везли съ такимъ стараньемъ?
Руководствуясь послѣдней,
Предались мы Божьей волѣ
И сказали: будь, что будетъ.
Лишъ одинъ Колпицынъ младшій
Къ нашимъ планамъ и сужденьямъ
Относился безучастно—
Везъ съ собой Колпицынъ Весту,
Не богиню древнихъ римлянъ,
Цѣломудренную Весту,
Нѣтъ, онъ далъ названье это
Костромской любимой сукѣ.
Самъ Коко въ каретѣ ѣхалъ,
Сука-жъ сзади за каретой
Устремлялась вольнымъ бѣгомъ
И при въѣздѣ въ лѣсъ Невклянскій,
На окраинѣ Замглая
Пересѣкла слѣдъ горячій;
По слѣду она помчалась,
Заливаясь громкимъ лаемъ,
И въ томъ лаѣ князь Колпицынъ
Услыхалъ слова такія:
— «Поминай меня, какъ звали!»

Оттого Колпицынъ младшій
Былъ всю ночь въ большомъ раз-
стройствѣ.

IX.

Въ литературахъ всякихъ странъ
(Не сомнѣвались никогда мы)
Совсѣмъ немыслимы безъ дамы
Поэма, повѣсть и романъ,
И правъ поэтъ, когда святую
Мечту возводитъ въ идеалъ
И ставитъ дѣву молодую
Онъ на высокій пьедесталъ,
Когда стихомъ своимъ чудеснымъ
Ее освѣтитъ, озаритъ
И дивнымъ образомъ небеснымъ
Міръ изумленный подаритъ
И самъ онъ счастливъ, убѣгая
Отъ пошлой міра суеты
И чистой прелести черты
Съ живымъ восторгомъ созерцая
Постъ онъ, точно соловей
Весной въ саду, во мракѣ ночи,
Ея задумчивыя очи
И пышный блескъ ея кудрей...
А я? Увы судьбой жестокой
Такой назначенъ мнѣ удѣлъ,
Чтобъ вмѣсто дѣвы черноокой
Я суку гончую воспѣлъ.
Какъ въ самомъ дѣлѣ на охотѣ
Могу я дѣвицу—красу
Вообразить себѣ въ болотѣ
Иль въ нерасчищенномъ лѣсу?
Пусть древній грекъ воображаетъ
Дріадъ и нимфъ въ лѣсу глухомъ,
У насъ въ немъ лѣшій обитаетъ
Съ лѣсной кикиморой вдвоемъ.
Хотя, положимъ, не обида
Найти въ болотѣ красоту:
Богиней даже Артемида
Была въ классическомъ быту;
Но современныя Діаны
Иною ловлей заняты
И ихъ направлены мечты
На ближнихъ полные карманы,
Ихъ помыслы устремлены
На фраки, запонки, штаны
И элегантные жилеты,
Или густыя эполеты
И обусловлены такимъ
Стремленьемъ юности живымъ
Заботы о душѣ и тѣлѣ.
Но что-жъ могу я предпринять?
Вѣдь не свинью-же въ самомъ дѣлѣ
Мнѣ героинею избрать!
И такъ рѣшаюсь: героиня
Мнѣ будетъ Веста, не богиня,
Не та, предъ коей жертвы жечь
Привыкли древніе народы,
Нѣтъ, та, о коей нынѣ рѣчь,
Совсѣмъ особенной породы:
Породы чистой костромской,
То экземпляръ весьма удачный:
Съ сухой красивой головой
И масти истинно чепрачной;
Злобна, проворна и крѣпка,
Ей можно было любоваться,
И самъ навѣрное Н. К.
Не зналъ-бы въ ней къ чему при-
драться.
И часто удивлялся я,
Съ ружьемъ въ опушкѣ лѣса стоя,
И гону вѣрному безъ сбоя,
И силѣ дивнаго чутья.
Въ кустахъ, по чащамъ и болотамъ
И на зарѣ, и въ жаръ дневной
Она гоняла, какъ по нотамъ
Равно и лѣтомъ и зимой.
Съумѣй занять лишь только мѣсто
Ты надлежащее въ лѣсу,
Когда она con brio presto
Гнала иль зайца, иль лису,
Или стремилась alegretto
Quasi allegro по волкамъ—
И было дорого въ ней это
Присяжнымъ гончихъ знатокамъ.
И было любо утромъ рано

Намъ слушать въ тишинѣ лѣсной,
Когда мелодіей живой
Звучалъ ея mezzo-soprano
И замиралъ онъ, и дрожалъ
Отъ страсти. Да, недаромъ Весту
Колпицынъ младшій обожалъ,
Какъ ненаглядную невѣсту,
Гордился ею онъ; но ахъ!
Непрочно счастіе—и вскорѣ
Въ невклянскихъ дебряхъ и лѣсахъ
Онъ испыталъ большое горе.
Судьба привыкла не щадить
Всего, что въ мірѣ семъ прекрасно,
Вотъ почему весьма опасно
Въ нашъ мрачный вѣкъ прекрас-
нымъ быть.
Сдавайся безъ борьбы и драки,
Когда тебѣ чередъ придетъ:
Равно всѣхъ грозный рокъ гнететъ
Отъ человѣка до собаки.
Въ недобрый часъ судьба влекла
И Весту въ заросли Замглая;
На козій слѣдъ тамъ натекла
И сгибла Веста молодая:
Она за дикою козой
Ушла невѣдомой стезей.
Напрасны были всѣ старанья
Хоть мы старались во всю мочь
Пальба и рога завыванья
Напрасно слышались всю ночь,
Горючія напрасно слезы
Несчастный проливалъ Коко
Увы! анаѳемскія козы
Собакъ уводятъ далеко...

X.

Ранымъ рано пробудились,
Ранымъ рано въ лѣсъ мы вышли
И стрѣлковъ вооруженныхъ
Велъ Безпалый, а загономъ
Локотокъ распоряжался.
Чистъ и свѣжъ былъ воздухъ утра
И на свѣтлосѣромъ небѣ
Сосенъ темныя верхушки
Ясно, рѣзко рисовались
И разсвѣтъ обозначался
Неширокою полоской
Свѣтлорозоваго цвѣта.
И торжественно-спокойно
Начинался день осенній,
И торжественно стояла
Тишина въ лѣсу глухая,
Только слышалось порою,
Какъ работникъ вѣчный лѣса,
Черный дятелъ гдѣ-то носомъ
Стукалъ въ дерево упорно,
И холодною росою
Утра ранняго покрыты
Мохъ, трава и жесткій вереск,
И скользитъ нога безшумно
По лѣсной упругой почвѣ.
Шли впередъ мы быстрымъ шагомъ
И смѣнялись передъ нами
Лѣса темнаго картины:
То могучимъ строемъ сосны
Вкругъ стояли, какъ колонны
Гордо къ небу поднимаясь
И искривленные сучья
Простирая, точно руки,
То—кругомъ огромный выгаръ,
Весь высокою заросшій
Бѣловатою травою,
И травою той покрыта
Масса сваленныхъ деревьевъ:
На сырой, холодной почвѣ
Много ихъ лежитъ и тлѣетъ,
И стоятъ межъ ними рѣдко
Уцѣлѣвшія березы,
Всѣ съ поникшими вѣтвями,
Съ почернѣлою корою;
А за выгоромъ осинникъ
Молодой, непроходимый
И торчитъ онъ, какъ щетина,
Невысокой, ровной чащей;
Въ этой чащѣ даже зайцъ
Проживаетъ неохотно.
За осинникомъ широко
Разстилается болото,

Поросли на шаткихъ кочкахъ
Осока и стрѣлолистникъ;
Опушилось то болото
Сѣрой таволги кустами;
Кое гдѣ за нимъ на склонахъ
Старый дубъ стоитъ могучій,
А за нимъ лѣсныя чащи
Снова тянутся, чернѣя...
Хорошо въ лѣсу дремучемъ
Рано утромъ на разсвѣтѣ;
Но теперь печать унынья
На него легла сурово;
Потускнѣли, полиняли
Ярко блещущія краски
Ярко блещущаго лѣта;
Пожелтѣли и посохли
И трава, и мохъ зеленый;
Обездолила и смяла
Осень ихъ рукой холодной;
Отъ ея прикосновенья
Свинулъ папоротникъ пышный
И печальный, почернѣлый
До земли онъ наклонился...

XI.

Долго мы въ лѣсу бродили,
Много сдѣлали загоновъ,
Но не только вепрь иль козы,
Или волкъ, но даже глупый
Заяцъ намъ не попадался.
Наши гончія въ загонахъ
Межъ толпы людей отъ крика
Совершенно растерялись
И метались, какъ шальныя.
Мы хотя еще бодрились,
Но наружно,—въ сердцѣ-жъ горечь
Начинала водворяться
И надежда за надеждой
Нашу душу покидали.
Утомленныя ходьбою,
Чаще ноги заплетались,
Становился шагъ невѣренъ
И сильнѣе все за сучья
На ходу мы задѣвали;
Сапоги намъ жали ноги,
Отъ усталости казались
Ружья намъ въ полпуда вѣсомъ
И могла-бы смѣло спорить
Пустота желудковъ нашихъ
Съ пустотою Торичелли.
Гдѣ ужъ мы ни становились—
По полянамъ, по болотамъ,
По лѣснымъ глухимъ дорожкамъ—
Ничего не выходило.
И въ началѣ, замирая,
Сердце билось ожиданьемъ,
Подъ конецъ-же, уходившись,
Ужъ и биться перестало...
Вотъ выходимъ на поляну.
Та поляна легкимъ склономъ
Опускалася къ болоту
И въ густой, непроходимой
Темной зарослѣ терялось
Неширокое болото;
Кое гдѣ росли по склону
Невысокія березки;
Слѣва группа небольшая
Мощныхъ сосенъ острымъ клиномъ
На поляну выходила;
Подлѣ сосенъ тѣхъ тянулась
Неглубокая ложбина;
Вся залитая водою.
Помѣстилъ меня Безпалый
У тѣхъ сосенъ возлѣ лужи;
Межъ березами на склонѣ
Князь Колпицынъ былъ поставленъ,
За Коко-жъ, ресурса ради,
Сталъ Григорій, его вѣрный
Камердинеръ, съ длинной шпагой;
Дальше межъ деревъ виднѣлся
Другъ мой Рыжій—Златорунный
И отсвѣчивалъ, какъ отблескъ
Отдаленнаго пожара.
И сказалъ Безпалый Павелъ:
«Это мѣсто всѣхъ надежнѣй:
Я ручаюсь головою,
Свиньи здѣсь навѣрно будутъ».

Но извѣрился давно я
Въ этихъ сладкихъ увѣреньяхъ,
Почему, махнувъ рукою,
Подъ сосною я усѣлся,
Созерцая съ прилежаньемъ,
Какъ огромныя деревья
Отражались въ малой лужѣ,
И предался размышленьямъ
Совершенно постороннимъ.
Хоть и странно это было,
Но вѣдь кто изъ грѣшныхъ смертныхъ
Услѣдить за мыслью можетъ?
Точный кто законъ измыслитъ
Для теченья думъ капризныхъ?
Иногда любовникъ страстный,
Отправляясь на свиданье
Съ милой дѣвой, помышляетъ
О прыщѣ, на лбу вскочившемъ;
Иногда судья суровый,
Казнь убійцѣ изрекая,
Въ эту самую минуту
О восьми въ червяхъ мечтаетъ.
Иногда администраторъ,
Поглощенный весь проэктомъ,
Какъ отчизну осчастливить,
Помышляетъ въ то-же время
О сосискахъ подъ капустой—
Такъ и я, въ лѣсу дремучемъ
Въ ожиданьи дикихъ вепрей
У сосны, надъ лужей сидя,
Помышлялъ о рыбной ловлѣ.

XII.

Въ тотъ часъ, когда поутру рано
Покинетъ солнце свой ночлегъ,
Отрадно мнѣ «левіафана
На удѣ вытащить на брегъ»;
Но велики для сердца муки,
Когда, усердіемъ горя,
Изловишь только пискаря
На мѣсто окуня иль щуки.
Ахъ, это было такъ давно,
Когда жилось привольнѣй въ мірѣ,
Когда и рѣки были шире
И недоступнѣе ихъ дно.
Теперь отъ Дона до Оки
Онѣ всѣ высохли безбожно
И глубину любой рѣки
Почти перстомъ измѣрить можно;
И вѣрно говоритъ А. Л.,
Что ловля рыбы, какъ охота,
Есть безполезная забота,
Свою утратившая цѣль.
Такъ много на рѣкахъ заводовъ,
Различныхъ фабрикъ, пароходовъ
И такъ вода нехороша,
Что, съ помощью своихъ припасовъ,
Въ нихъ скоро самъ баронъ Черкасовъ
Ловить не будетъ ни шиша.
Хоть и теперь еще, безъ спора,
Видалъ я рыбныя озера,
Но рыба въ нихъ была мелка,
Совсѣмъ мелка, а я къ несчастью
Ловилъ ее «здоровой снастью»,
Ловилъ настойчиво, пока
Мое не лопнуло терпѣнье;
Меня однако въ заключенье
Печальный опытъ убѣдилъ,
Что ершъ совсѣмъ не крокодилъ...

XIII.

Изъ болотистой трущобы
Отдаленный гулъ несется—
То загонщики усердно
Громкимъ крикомъ чащу будятъ,
Изъ послѣднихъ силъ стараясь
Выгнать звѣря намъ подъ выстрѣлъ,
И тотъ гулъ далекій сердце
Заставляетъ встрепенуться,
Заставляетъ взоръ невольно
Въ чащу темную направить...
Я изъ всѣхъ родовъ охоты
Ни единаго не знаю
Безтолковѣе облавы:
Стой, куда тебя поставятъ,

Дожидайся: ротъ разинувъ,
Жди, пока не улыбнется
Счастье глупое (и древнимъ
Было вѣдомо, что счастье
Сроду умнымъ не бывало)
То-ли дѣло стая гончихъ,
Умныхъ, чуткихъ и паратыхъ
Съ заливными голосами!
Да, охота съ стаей гончихъ—
Идеалъ моей охоты.
На болотѣ любо видѣть
Пса любимаго работу,
Бойкій поискъ съ мертвой стойкой,
А свалить зарядомъ птицу—
Невеликая заслуга;
Только съ гончими возможно
Горделивое сознанье,
Что добычей ты желанной
Главнымъ образомъ обязанъ
Своему соображенью,
Своему уму и сметкѣ,
Здѣсь идетъ борьба со звѣремъ
И почти при равныхъ шансахъ:
Ты умнѣе оказался—
Волоки домой добычу,
Оказался звѣрь умнѣе—
Ко двору «попомъ» ты шествуй...
Но довольно отступленій:
Возвращаюся къ разсказу.
Ближе, ближе шумъ и крики;
Сердце все живѣе бьется;
Вдругъ я вижу другъ мой Рыжій
Началъ цѣлить аккуратно.
Вотъ въ лѣсу раздался выстрѣлъ,
Вслѣдъ за выстрѣломъ другъ Рыжій
Побѣжалъ куда-то быстро.
Ничего не понимая,
Я стоялъ въ недоумѣньи;
Скоро новая картина
Привлекла мое вниманье:
Возлѣ тоненькой березки,
Обхвативъ ее руками,
Князь Коко Колпицынъ младшій
Безнадежно прыгалъ, чая
На березку взгромоздиться;
А рессурсъ его, Григорій,
Въ бѣгство бросился поспѣшно,
Зацѣпился за кустарникъ
Непомѣрно длинной шпагой,
Зашатался и на землю
Повалился съ громкимъ крикомъ.
Свой оставивъ постъ у лужи
И по склону я поднялся,
Разузнать, въ чемъ было дѣло,
И увидѣлъ: межъ деревьевъ
Рыжій, стоя съ гордымъ видомъ,
Торжествомъ сіялъ весь, точно
Самоваръ на имянинахъ;
Передъ нимъ на мху зеленомъ
Весь въ крови валялся заяцъ
И въ предсмертныхъ горькихъ мукахъ
Безнадежно дрыгалъ лапой.
Въ двадцати шагахъ оттуда
Князь Колпицынъ занимался
Производствомъ эквилибровъ.
Сильно ликъ его прекрасный
Искаженъ былъ гнуснымъ страхомъ,
Крѣпко, судорожно руки
Уцѣпились за березку
И все прыгалъ онъ и прыгалъ,
Взлѣзть на оную стараясь;
Ничего вокругъ не видятъ
Помутившіяся очи,
Ничего Коко не слышитъ,
Ничего не понимаетъ;
Упражняясь у березки,
Онъ одно лишь шепчетъ слово
Побѣлѣвшими устами:
«Свиньи, свиньи, свиньи, свиньи!»
Къ счастью помощь оказала
Вышесказанная лужа:
Съ Рыжимъ мы, воды набравши
Въ этой лужѣ, окатили
Князя бѣднаго усердно;
Отъ сего пришелъ онъ въ память
И пожалъ намъ крѣпко руки
Съ благодарностью живѣйшей,
Даже (я увѣренъ въ этомъ)

Онъ имѣлъ поползновенье
Прямо броситься на шею
Златорунному герою;
Но, внезапно застыдившись,
Отъ сего онъ воздержался,
Ибо былъ Колпицынъ младшій
Несказанно деликатенъ
И боялся онъ, что скажутъ,
Будто Рыжаго онъ принялъ
За березу иль осину...

XIV.

Съ той поры Колпицынъ младшій
Ужъ не ѣздилъ на облавы
И навѣки заперъ въ ящикъ
Смертоноснаго Девима.
Онъ большое отвращенье
Сталъ питать къ ружейной пулѣ,
Не терпѣлъ картечи даже
И изъ дроби допускалъ лишь
Самый мелкій бекасинникъ;
И въ душѣ его стояло
Вѣчнымъ совѣсти укоромъ,
Что въ порывѣ увлеченья
За свинью онъ зайца принялъ.

Н. В.